

О МЕЖДОМЕТИЯХ-МЕТАРЕФЛЕКСИВАХ В СОВРЕМЕННОМ МАКЕДОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Наталья Владимировна Боронникова¹

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь, Россия*

Елена Владимировна Верижникова

*Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия*

Key words: interjection, metalinguistic function, metareflection, The Macedonian language

Summary: The paper deals with a group interjection that is used in the metalinguistic function in Macedonian texts. The research is based on literary texts of the Macedonian language to select interjections and onomatopoeia and to make the Macedonian interjections and onomatopoeia dictionary. We consider the functions of the various subgroups of interjections.

Ключевые слова: междометие, метаязыковая функция, метарефлексия, македонский язык

Аннотация: В статье рассматривается группа междометий, использующаяся в метаязыковой функции в македонских текстах. Исследование базируется на македонских литературных текстах, источниках эксерпции для словаря междометий и звукоподражаний македонского языка. В статье анализируются различные подгруппы междометий-метарефлексивов.

Метаязыковая функция языка связана с толкованием кода, объяснением языковых фактов с помощью самого языка (Якобсон, 1975: электр. ресурс). Она проявляется в ситуациях профессионального лингвистического общения, когда речь идет о языке (языковом коде) как предмете изучения. Кроме того,

---

¹ © Боронникова, Н.В., Верижникова, Е.В., 2016.

метаязыковую функцию обычно связывают с ситуациями, в которых общение затруднено: это разговор с ребенком, иностранцем или любым другим человеком, не вполне владеющим данным языком либо его социальным или функциональным подязыком. В случае с междометиями и звукоподражаниями метаязыковая функция – это попытка наивного носителя языка дать трактовку различным проявлениям человеческого кода и / или изобразить их. Междометия и звукоподражания, имитирующие человеческую речь в различных ее проявлениях, мы назовем **метарефлексивами**. Очень часто в контекстах, где используются подобные междометия, метаязыковая функция переплетается с квазиреферентивной и экспрессивной (см. подробнее Боронникова, Верижникова, 2012).

В македонском языке метарефлексивы представлены довольно широко. Еще Блаже Конеский, один из кодификаторов македонского литературного языка, обратил внимание на единицы наподобие *магара-магара*, *тандара-бандара*. В словаре, редактором которого был Б. Конеский, *магара-магара* толкуется как междометие „za označavanje i podražavanje žagora, graje od glasova mnogih ljudi koji govore svi u isto vreme“ (РСХТ 1966: 554).

Материалом для нашего исследования послужили контексты, в которых используются метарефлексивы, входящие в корпус будущего словаря междометий и звукоподражаний македонского языка, работа над которым ведется авторами в течение нескольких лет (подробнее о концепции словаря см. Боронникова, Верижникова, 2014). Это художественные тексты, включающие в себя произведения различных родов и жанров, относящиеся к разным периодам развития македонской литературы (более 200 источников), фольклорные тексты и комиксы.

Группа метарефлексивов, как показал анализ, распадается на несколько подгрупп. Это имитации детской речи; речи иностранцев; непонятной / неразборчивой речи; излишне громкой или излишне тихой речи; раздражающей / надоедливой речи; эвфемизация речи с помощью звукоподражаний и междометий. Метаязыковую функцию могут выполнять единицы, относящиеся к различным разрядам звукоподражаний и междометий. Объединяющим признаком для них стало обозначение различных проявлений человеческой речи. Типичной для всех метарефлексивов является редупликация (полный или частичный повтор лексемы), с помощью которой создается ритмический рисунок речи.

Прежде всего, обратимся к подражаниям взрослыми детской речи, «протословам», которые ребенок использует в коммуникации со

взрослым (см. Шляхова, 2005: 98–99). Исследователи детской речи отмечают, что первыми в речи младенцев появляются эмотивные междометия: они возникают из выкриков, которые сопровождают реакцию ребенка на внутренние и внешние раздражители (см. Лепская, 1996). Междометие позволяет ребенку передавать целый спектр разнообразных эмоциональных состояний и часто заключает в себе смысл целого высказывания, связи которого с другими единицами в речи ослаблены, что и обуславливает его раннее появление. Эмотивные междометия, сопровождаемые соответствующими жестами, легко воспринимаются и интерпретируются взрослыми.

Ребенок в своей речи использует эти единицы в конативной, референтивной, эмоциональной, а позднее и в эстетической функциях. Что же касается взрослых носителей языка, то базовая функция междометий и звукоподражаний, используемых ими в текстах, предназначенных для эстетического воспитания детей, – это метаязыковая. Наивный носитель языка наблюдая речь детей, выделяет наиболее характерные ее особенности: строение слога (чаще всего, это открытый слог), тенденцию к редупликации, повышенную эмоциональность, синтаксическую упрощенность. В нижеследующем контексте с помощью звукоподражаний передается эмоциональное состояние младенца (недовольство, вызванное чувством голода, и гуление, призыв к игре):

***Ва, ва, вааа!** Важен телекс! / Вика Владе штом е гладен. / **Ва, ва, вааа!** Ваму, леле, / треба веднаш да се јаде!! / **Гу, гу, гууу!** Гуга весел / и за игра пруже раче. / **Гу, гуу, гууу!** Гула блесен / сака да е врз нас качен (Г. Болиновски) (подр. об этой подгруппе см. Боронникова, Верижникова 2012).*

Звуки, издаваемые ребенком, могут отождествляться со звуками природного мира, как в нижеследующем примере, когда плач младенца сравнивается с жалобным мяуканьем котенка:

*Таман на средкука кај долното било, на голема радост на Доста, а голема жалост на Митра, од пелената се слуша нешто како маче кога мјаука. / "**Мјау, вјау, а јаа,-а,-а,**" – се распозна детски глас. Доста моментално ги заборава сите болки и страдација, ја подигна главата кон Митра, ја погледна в очи, ја развлече исушената уста и проговори: / "– Море – ми, живо било воа мачето, орлите да го мачат, колку ме измачи, да не остане, да даде господ!" – На лицето и' се оцрта задоволство, дамариите и се*

развијатија понормално, и доби сила и кураж што побргу да стигне до постелата и легне и да го погледне тоа створче кое сакаше да ја отера в гроб. Колку да беше рамнодушна во време на болките, што ќе се роди, какво ќе се роди, живо-мртво, машко-женско, сега веќе подруго помисли (С. Попов).

Вторая подгрупа, доволно обширно представенна в нашем материале, – это изображение непонятной иностранной речи. Слушающий ориентируется на собственное восприятие иностранного языка; звучание иноязычной речи, как и в первом случае, может отождествляться со знакомыми перцептивными образами (звучание глухого удара; мяуканье кошки). Ведущим принципом при ее изображении является отсутствие членораздельности:

*Се исплашија кога начуја дека по скалите некој се качува. Се чу некоја врева. Некој нешто барааше. Не ќе разбере, но по гласот ги препознаа оние двајца Французи. Не се видоа како луѓе. Се набараа во мракот, се испофакаа за раце. Братучедите беа збунети додека не го расебетија зборот «Оревуар». Зашто прво нешто како **бум-бум** им се чу, а тоа да ти биде дека тие се враќаат назад на фронтот, еве сега ноќе, што можат кога така им е пишано ама барем да се поздрават. «Оревуар», рекоа (М. Јовановски);*

Мяукающие звуки в восприятии носителей европейских языков, связаны, прежде всего, с речью на китайском и вьетнамском языках. Это обусловлено тональностью и односложной структурой слова в этих языковых системах:

*Уште фали само маалските комарци да почнат да организираат руски рулет со сандачињата. Се собира цела зграда, се става опклада а еден од комарциите се приближува до купчето сандачиња, од тепка одбира едно, застанува пред него, неколкупати кратко прави вдиши-издиши како оние дигачи на тегови пред да се искилават и одеднаш – го отвора мистериозното сандаче со брз и недвосмислен потег, ја става главата во него додека си рекол "Вибрамицин" и таму инхалира едно 15 секунди. За тоа време, ние посматрачите се дереме **по вьетнамски: "May! May!"**, а откако лудиот хазардер ќе ја сркне воздушната порција, му правиме антибактериски тест – го тераме да оди по бела линија и да ја пее "Ние не сме Срби, Бугари ни Грци" од Г-дур (С. Мацановски-Трендо);*

*Има мало пуштено телевизорче, 20x10 ст формат, и некоја црно-бела копија од некој си филм «а ла Брус Ли», со боречки веџитини, од кое вреска **Ху, ијао, хао.** <...> / Зјапа во тоа ретровизорот, па пак се врти со тоа вкочанетиот врат сосе крпата. / Една Лада Нива пред него, се пали црвено, и само – трас. / Она телевизорче не знае. Уште вреска **Хау, мјау** (Л. Дирјан).*

Что касаетсја изображения некоторых других иностранных языков, то метарефлексивы могут образоваться по известной македонскому языку модели (наподобие *цагара-магара, тандара-бандара*), но для их образования используются корни известных слов иностранных языков (см. *парларе, пиколо* в нижеследующем примере):

*<...> секоја држава на свој јазик повела: вчера српското, денес италијанското, утре бугарското и така со ред, не? / редот е тој, навистина редот е тој, но ајде разбери нешто од **парларе-марларе, пиколо-миколо, тантара-мантара, разбери, де!** (В.Малески).*

Имитироваться может и неразборчивая речь на родном языке (излишне громкая, или же наоборот очень тихая, шепотная и пр.):

Попот, излезен пред олтарот, пееше. <...> Се гледаше дека не му беше сеедно дали словото божје допира до верниците или не. Тоа што еден улав му пречеше во пеењето, го нервираше.

- Мирен! – го кореше.

Улавиот беше четириесетгодишен маж, чисто облечен, искривен во вратот. Во црквата беше донесен од жена му која го држеше под рака. И таа го предупредуваше да не пречи во службата. Тој се покоруваше, но бргу се забораваше и пак почнуваше да пцалва, да го следи попот во пеењето:

*- **А-а-а-а!***

Редот во црквата го нарушуваше и едно пет-шестгодишно девојче кое, незаинтересирано за службата, си играше: куцкаше со едната нога по поплочениот под. Мајка и' често ја караше. И не толку девојчето колку таа со својата обземеност со него, му пречеше на попот.

- Остави го, невиди го! – и' се врекна во еден момент тој, го изгуби терпението. – Не влегол во него, во тебе влегол, господи прости ми!

Колку да беше трпелив спрема улавиот, во еден момент, одека тој пцалваше: **а-а-а-а**, и нему му викна:

- Акнал! (В. Костов).

И така: само за војната зборува и само пие. И паѓа, се губи човекот. И мене – да ме ненавиди. Ама човек си, пак за него се туфкаш. Цела ноќ си ја тепам главата: каде е, што е? Чекам, а срцето не ме држи. Еве го, ене го – го нема. Па ќе се престрашам, ќе одам да го барам, натемаме натема. Што сака да ме направи, ќе одам на меана. Сигурно таму клинчи, се кости, да се раскостат. Ракијата главата ќе му земе. / Одам, ја подавам главата од врата, а внатре: **магара, магара**. Ништо не се гледа од чадови, од угаски недоугаснати (П.М. Андреевски).

Никој не знае како дошле арапите, како ја намирисале кафеаната од Доксима Тренчески... И една ракија, друга ракија, многу се сториле. Почнале и некои нивни песни да пеат. **Шантара, пантара**, ништо не разбираш. Може си пееле за децата, за мајките свои. Чинеле врти со очите и попеј, попеј, па – расплачи се. Така, наеднаш, недоветно. Пијана работа (П.М. Андреевски).

Мајка ми ми шепкаше нешто во уво, но зборовите и' испаруваа во воздухот и не разбрав ништо друго освен **«ишии»** (Р. Бужаровска).

И кога оваа вест се пренесе по улицата со шепотење, славата на Фигаро (мачор – Н.Б., Е.В.) почна да потемнува. **Пиш... пиш...** чувте ли што му се случило на Фигаро? **Пиш... пиш...** (О. Николова).

В метаязыковой функции используются не только звукоподражания, но глагольные междометия, наподобие *шеп*, звуковой облик которых позволяет имитировать шепот:

Маре и Ленче живеат во близина и за на училиште се чекаат на аголот пред самопослугата, исто така таму се разделуваат кога се враќаат од училиште. Штом ќе се стретнат, едната од нив веднаш ќе рече: / – Леле, да знаеш што ми се случи вчера! – и: – **Шеп-шеп-шеп** – тајната е веќе создадена. / А потоа втората ќе почне: – **Шеп-шеп-шеп** – и втората тајна е веќе создадена. / Така, за еден ден, можат да се создадат и четири-пет тајни и тие растат како квасецот на мама (С. Манева)

(Нова Македонија. 26.09.2014)

Как показуваат материјал, метарефлексивы-звукоподражания могут выступать как эвфемизмы при изображении речи либо в ситуации интимного общения, либо при имитации неприятной для собеседника, излишне любезной речи:

Дежурниот доктор нешто шуш-буш со жена ми и брат ми... (К.Ангеловски).

Пред публиком све фино, мед и млеко, циле-миле, а на само, сваѓе и туче... (К.Ангеловски).

Самый большой пласт в нашем материале составляют метарефлексивы-подражания речи, которая представляется говорящему незначашей, раздражающей, непонятной, глупой (бла-бла; дрн-дрн; сер-сер; џагара-магара; тангар-мангар; тангара-мангара; тандар-мандар; тандара-мандара; тинтири-минтире; чачара-начара; шитлики-митлики и др.). В эту группу метарефлексивов объединяются единицы различного происхождения (англицизмы, турцизмы, македонизмы). Типичный англицизм – междометие бла-бла:

По цела ноќ не спиевме и ги верглавме истите приказни... Мојата за сиромашиното дете кое некој го прибрал, бла, бла... нејзината многу тажна, божем потресна, со многу драмски елементи, емоции и заебанции... приказна (В. Димовски).

По пат, онака површино ги читкав насловите од утрешните весници./ Политика, партии, убиства, киднапирања, реклами за кафиња, политика, црна хроника, политика, наградни игри, политика, политика, политика... И нешто малце за Тино. Некоја новинарска пичка, нешто сере за брат ми. За Тино. Како тоа она, замисли, не ги разбираше неговите постапки. / Козата, може ли да

разбере, пријателе мој? / Толку многу испиздев, што застанав. Да го дочитам тоа срање. Да ја дослушам козата како мека со своето тенко, непријатно гласче: / "Бла-бла-бла... дрн-дрн-дрн... сер... сер... сер..." / И крај (И. Џамбазов).

Група метарефлексивов типа *тангар-мангар; тангара-мангара; тандар-мандар; тандара-мандара; тинтири-минтири; чачара-пачара; шитлики-митлики* и др. восходит к турецким междометиям (см. Јашар-Настева, 1987; 2001; Конески, 1965). Подобные метарефлексивы, даже образованные в македонском языке, сохраняют приметы турцизмов: для них характерен сингармонизм и частичная редупликация с заменой первого слога повторяющейся лексемы (в качестве первого согласного используются губные).

*Се сонна работата. Помолчеа малку и Србин пак се охрабри: / - Вака значи: Месје, ле... Како беше? / - Лесе нувуар нозанфан. / - Лесе нувуар... - повтори Србин и пак се закочи. / - Нозанфан. / - Нозанфан. Чекај сега, Лесе, месје... / - Месје, лесе... / - **Шитлики-митлики**, - рече Србин и ја батали таа работа (М.Јовановски).*

*Е, Дина, ти не знаеш што поминавме овде откако вие се отидовте, ми вели Александар. А, секоја чест на татко ти! Јас му велам на мојон, стариот, на дедо Ристо, гледаш, Дамјан Аспров беше далекувид. Тој ја предвиде иднината и си замина навреме. Ние, другите, бевме наивни, се надевавме, ќе можела да се спаси Југославија, платформа Глигоров-Изетбеговиќ, лабава федерација, **тинтири, минтири**, лук и вода (К.Колбе).*

Очень часто подобные лексемы выступают в качестве заместителя той части высказывания, которую говорящий не хочет озвучивать собеседнику, считая ее либо уже известной, либо незначимой, ненужной (в сходной функции в македонском языке используются лексемы наподобие *вамти-тамти; ова она; ти реков ми рече; и така натаму, и така натаму*):

*Морам да напишам некоја своја лична исповед, како се осеќам, што правам, за што размислувам, што сакам, **бла-бла-бла...** (Ж.Мирчевска).*

Се шетаа пцовките од човек до човек, ги раскажуваа луѓето, ги дотеруваа, ги повторуваа едно-задруго и кој знае дали Силјан и Велјан ги имаа сите кажано и толку искажано, колку што ги

кажуваа луѓето, пренесувајќи им ги, **чачара-начара**, ту на едниот, ту на другиот, садејќи им во душите: троскот и пелин, чемер и грмотрн и разни горчливи и самоникнати растенија што растат (П.М. Андреевски).

Таким образом, в репертуаре македонских междометий и звукоподражаний выделяется особая группа, назначение которой – изображение и «интерпретация» человеческой речи (детской, неразборчивой на родном языке, иностранной). Говорящий подмечает и фиксирует ее основные особенности (звучание, ритмичность, громкость). Вторичная функция метарефлексов заключается в их использовании для обозначения речи незначащей, ненужной, неважной либо неприятной, например, излишне любезной, слащавой, в этом случае метарефлексы выступают как своеобразные эвфемизмы.

Литература:

- Боронникова, Наталия В., Верижникова, Елена В. 2012. Метаязыковая функция междометий в литературе для детей (на материале македонского языка). В: *Филологические заметки* 10/ 2012 / ред. Ј.Мојсиева-Гушева, Т.Ерофеева, М.Пинтарич, З.Ковач; Скопје; Пермь; Люблина; Загреб, Ч.2. С. 323-335.
- Боронникова, Наталия В., Верижникова, Елена В. 2014. Междометия в македонском языке (разработка концепции словаря). В: *Руско-македонски јазични, литературни и културни врски* 5 / во редакција на Максим Каранфиловски. Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески». С. 59-82.
- Јашар-Настева, Оливера. 1987. *Турските елементи во јазикот и стилот на македонската народна поезија*. Скопје: Македонска академија на науките и уметностите. 111 с.
- Јашар-Настева, Оливера. 2001. *Турските елементи во македонскиот јазик*. Скопје: Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков». 301 с.
- Конески, Блаже. 1967. Граматика на македонскиот литературен јазик: д. I, II. Во: *Конески Б. Избрани дела во седум книги*. Скопје: Култура. Т. 6. 552 с.
- Конески, Блаже. 1965. *Историја на македонскиот јазик*. Скопје: Кочо Рацин; Белград: Просвета. 104 с.
- Лепская, Наталья А. 1996. Междометия: их возникновение и функции в речи детей. В: *Проблемы детской речи – 1996: мат-лы межвуз. конф.* Москва. http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/books/Det_speak/glava_1.html. Состояние: 05.11.2016.
- РСХТ – *Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања* / сост. Т. Димитровски, Б. Корубин, Т. Стаматоски; ред. Б. Конески. Скопје, 1966. Т. 3.
- Шляхова, Светлана С. 2005. “Другой” язык: Опыт маргинальной лингвистики /

Перм. гос. политех. ун-т. Пермь. 350 с.
Якобсон, Роман О. 1975. Лингвистика и поэтика. В: *Структурализм: „за“ и „против“*. Москва: Прогресс, <http://philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm>.
Состояние: 05.11.2016.